

ТЕОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ НАСЛЕДИЯ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В СВЯЗИ С ДУХОВНЫМ СОДЕРЖАНИЕМ РОМАНА «ПОДРОСТОК»

УДК 82.01 : 27-42

<http://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-443-60-68>

Ирина Александровна КИСЕЛЕВА,

доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Москва, Россия), ORCID: [https:// orcid. org/0000-0002-9629-0035](https://orcid.org/0000-0002-9629-0035), e-mail: kaf-rusklit@mgou.ru;

Елена Сергеевна САХАРЧУК,

доктор филологических наук, доцент, Московский государственный гуманитарно-экономический университет (Москва, Россия), ORCID: [https:// orcid. org/0000-0002-4185-4112](https://orcid.org/0000-0002-4185-4112), e-mail: 1515303@mail.ru

Аннотация: Цель статьи связана с выявлением теолого-педагогических интенций романа Достоевского «Подросток». Роман рассматривается в контексте современных Достоевскому педагогических идей и вневременных евангельских идеалов. Актуальность исследования связана с постановкой проблемы обретения молодым поколением идеалов ответственности за социум и пониманием механизмов ценностно-ориентированного воспитания. Жанровое содержание «Подростка» как романа воспитания представлено в изображении взаимного нравственного совершенствования героев. Воспитание в романе рассматривается как субъект-субъектное взаимодействие, основанное на отношениях бескорыстной любви и доверия, самая естественная реализация, что и представляет Достоевский, возможна в семье. Семья явлена в романе школой духовного возрастания и моделью мира, ее «случайный» характер связан с обусловленным временем нарушением в обществе «порядка», который нуждается в восстановлении. Делается вывод, что педагогические представления Достоевского развивались в русле отечественной антрополого-педагогической мысли XIX века, в основе которой лежит представление о человеке в его духовно-телесном единстве.

Ключевые слова: воспитание, духовное возрастание, евангельский идеал, роман «Подросток», социальные ценности, теолого-педагогические интенции Ф.М. Достоевский.

Для цитирования: Киселева И.А., Сахарчук Е.С. Теолого-педагогическое значение наследия Ф.М. Достоевского в связи с духовным содержанием романа «Подросток» // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2021. № 4 (43). С. 60-68. <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-443-60-68>

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44224 («Факторы формирования социокультурной идентичности студентов в условиях поликонфессиональности: теологический и психолого-педагогический подходы»).

THEOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SIGNIFICANCE OF F.M. DOSTOEVSKY IN CONNECTION WITH THE SPIRITUAL CONTENT OF THE NOVEL «TEEN»

Irina A. Kiseleva, PhD (Philology), Professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russia), ORCID: [https:// orcid. org/0000-0002-9629-0035](https://orcid.org/0000-0002-9629-0035), e-mail: kaf-rusklit@mgou.ru

Elena S. Sakharchuk, PhD (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Moscow state university of humanities and economics (Moscow, Russia), ORCID: [https:// orcid. org/0000-0002- 4185-4112](https://orcid.org/0000-0002-4185-4112), e-mail: 1515303@mail.ru

Abstract: The purpose of the article is to identify the theological and pedagogical intentions of Dostoevsky's novel "Teenager". The novel is viewed in the context of Dostoevsky's contemporary pedagogical ideas and timeless evangelical ideals. The relevance of the study is associated with the formulation of the young generation's problem acquiring the ideals of responsibility for society and understanding the mechanisms of value-oriented education. The genre content of "Teenager" as a novel of upbringing is presented in the image of the mutual moral improvement of the characters. Upbringing in the novel is viewed as a subject-subject interaction based on the relationship of selfless love and trust, the most natural realization, which Dostoevsky represents, is possible in the family. The family is revealed in the novel as a school of spiritual growth and a model of the world, its "accidental" character is associated with a time-dependent violation of "order" in society, which needs to be restored. It is concluded that Dostoevsky's pedagogical ideas developed in line with the Russian anthropological and pedagogical thought of the 19th century, which is based on the idea of a person in his spiritual and bodily unity.

Keywords: upbringing, spiritual growth, evangelical ideal, novel "Teenager", social values, theological and pedagogical intentions F.M. Dostoevsky.

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 21- 011-44224

For citation: Kiseleva I.A., Sakharchuk E.S. Theological and pedagogical significance of the heritage of F.M. Dostoevsky in connection with the spiritual content of the novel "Teenager". *Cultural and Education: Scientific Information Journal for Universities of Culture and Arts*. 2021, no. 4 (43), pp. 60-68. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/2310-1679-2021-443-60-68>

Русская педагогическая мысль в значительной степени питалась из источников, связанных с нравственным богословием, с евангельскими идеалами. Отечественную педагогическую мысль можно назвать домом, который «основан был на камне» (Мф: 7: 25) в аспекте ее преемственности по отношению к православным идеям, которые на протяжении всей истории ее развития (вплоть до Октябрьской революции 1917 года) оставались ее духовным стержнем. Иером. Афанасий (Микрюков) пишет о том, что в педагогике середины XIX века в качестве научного фундамента утверждается теологическое понимание воспитания и образования: архиеп. Евсевий (Орлинский), С. С. Гогоцкий, П. Д. Юркевич, протоиерей С.С. Соллертинский «создали особые формы обоснования и развития педагогики, базирующиеся на признании центральной важности христианских нравственных начал и православного вероучения» [13, с. 22]. В целом

философско-педагогические представления Достоевского развивались в русле антрополого-педагогической мысли, характерной для России второй половины XIX века, однако его педагогические идеи до настоящего времени не часто попадали в поле исследовательского интереса ученых, хотя из всех русских писателей именно он наиболее системно представил в своем творчестве близкое христианскому нравственному богословию педагогическое знание. Недаром В.Н. Захаров в своей статье, связанной с обозначением развития достоевсковедения в год 200-летнего юбилея писателя, писал о необходимости внимания к педагогическому наследию Достоевского, отмечая, что «желание реализовать в народном образовании педагогические идеи Достоевского возникло сразу после его смерти у разных людей, но смогла их осуществить только вдова писателя» [7, с. 15].

По воспоминаниях архимандрита Киприана (Керна), митрополит Антоний (Храповицкий) так оценивал учительское влияние писателя на русскую жизнь, «Прежде всего Библия, потом церковный устав, а на третьем месте Достоевский» [9, с. 9]. Есть многочисленные свидетельства, что «многие современники воспринимали Достоевского как учителя» [17, с. 46]. Чаще всего представления Достоевского о том, чему и как обучать молодое поколение, интерпретируются в опоре на «Дневник писателя» и роман «Братья Карамазовы». Исследователи отмечали, что Достоевский обозначил три основных направления воспитания ценностной сферы личности – эмоциональное, смысловое, религиозное. По Достоевскому, воспитание есть «диалогический процесс духовного общения», характеризующийся ситуацией «внутреннего понимания и принятия, взаимного нравственного совершенствования» [12, с. 109]. В своих размышлениях Достоевский, по всей вероятности, опирался на труды основоположника раннего славянофильства А.С. Хомякова, в частности, на его статью «Об общественном воспитании в России», в которой утверждается, что движущей силой просвещения является не борьба человека с человеком (то есть конкуренция), а любовь человека к человеку, а средством для воспитания просвещенного человека является религиозно-нравственное воспитание, которое «может возратить нас к началам жизни, нами утраченной, и привести нас из состояния безнародной отвлеченности и мировой самодвольной рассудочности к полному участию в особенностях, характере и физиономии народа» [Хомяков, с. 156]. Достоевский был хорошо знаком с историко-философскими и богословскими сочинениями А.С. Хомякова, дважды о славянофильстве упоминается и в романе «Подросток». Прот. Василий (Зеньковский) формулируя идею о связи проблемы воспитания с темой спасения «при разработке своей педагогической теории опирается на духовно-нравственные идеи» русских писателей, среди которых особое место занимал Достоевский [10, с. 74]. Безусловно верно суждение о том, что «опираясь на принципы православной антропологии, Достоевский рас-

смачивает человека как существо духовно-телесное, наделенное свободой воли и бесконечными потенциями для духовного развития и возрастания» [12, с. 109].

Духовное развитие человека в контексте его взросления и образования наиболее рельефно представлено в романе Достоевского «Подросток», в котором писатель показывает процесс «становления человека в его переходный период: от детства к взрослости, от своего рода свойственной ребенку априорной безгрешности к выбору вектора своей взрослой жизни, к осознанию своей духовно-нравственной парадигмы» [12, с. 164]. Жанровое содержание «Подростка» как романа воспитания заключено в изображении взаимного нравственного совершенствования героев. Центральное место в романе отведено взаимоотношениям Андрея Петровича Версилова и его незаконорожденного сына Аркадия Макаровича Долгорукого. Показывая внутреннюю жизнь Аркадия посредством повествования от первого лица, Достоевский художественно воплощает те педагогические идеи, которые выражал хирург и выдающийся педагог того времени Н.И. Пирогов, советовавший не спешить с «прикладной реальностью» при образовании, а дать «созреть и окрепнуть внутреннему человеку» дать «ему время и средства подчинить себе наружного», и тогда «у вас будут люди и граждане» [15, с. 66]

Стоящий на этапе выбора своего дальнейшего жизненного пути («дилемма стояла передо мной неотразимая: или университет и дальнейшее образование» [5, с. 151], или реализация «ротшильдовской идеи», которая «помешала гимназии, помешала и университету» [5, с. 151]), Подросток, внутренне окрепнув, обещает быть состоятельной личностью. При духовном возрастании Подростка меняется и его восприятие окружающих: та самая Татьяна Павловна, которая «все время шипела на меня, бранила меня, корила меня, экзаменовала меня» [5, с. 157], становится другой в его мнении. Теперь Татьяна Павловна «искренний и любимый друг мой, пристаёт ко мне чуть не каждый день с увещаниями непременно и как можно скорее поступить в университет» [5, с. 687], – так говорит Аркадий, запечатлевая в своих словах свою новую состоятельность.

Стоящая перед Аркадием дилемма учиться дальше или предаться своей идее обогащения следует и из социально-психологических условий его возрастания. В своем романе Достоевский показывает ситуацию неординарную, которая естественно подвергается общественному осуждению. Перед читателем изначально дана ситуация, не согласующая с христианской моралью. Представлено взаимодействие внутри «случайного семейства», как определяет семью Аркадия герой-резонер: «Да, Аркадий Макарович, вы — член случайного семейства, в противоположность еще недавним родовым нашим типам, имевшим столь различные от ваших детство и отрочество» [5: с. 692]. Но уже в постановке этой проблемы – вза-

имодействии людей, отношения которых, как минимум, двусмысленны с точки зрения государственного и церковного закона, сказывается пре-емственность Достоевского по отношению к евангельскому повествованию. «Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Лк.: 5:32), – именно так определяет Христос одну из своих духовных задач. В качестве одного из вариантов заглавия романа Достоевский рассматривал слово «беспорядок». Мотив беспорядка является сквозным и для окончательного текста романа, который есть воспроизведение «беспорядочной» эпохи [5, с. 692], знаком ее стало нарушение законности и порядка, который нуждается в восстановлении. И именно идея восстановления становится в процессе создания текста романа основной его идеей. И неслучайно, что главным героем романа становится Аркадий Долгорукий (в замысле романа главным героем мог стать Аркадий Петрович Версилов), юность которого «чиста уже потому, что она – юность», и для которой естественна «эта жажда порядка и это искание истины» [5, с. 689]. Истинные жизненные ориентиры юношей еще не обретенны, и он нуждается в воспитании и способен к возрастанию.

Аркадий Долгорукий, переживающий и акцентирующий своего незаконнорожденное положение, с одной стороны выступает обличителем порока, с другой нарушает заповедь почитания родителей: «Ибо Бог заповедал: почитай отца и мать; и: злословящий отца или мать смертью да умрет (Мф. 15:4). «Главное, – говорит ему Версилов, – провозглашая о своей незаконнорожденности, что само собою уже клевета, ты тем самым разоблачал тайну твоей матери и, из какой-то ложной гордости, тащил свою мать на суд перед первую встречную грязью» [5, с. 258]. «Случайный» грех, прикрытый законным супругом Макаром Ивановичем Долгоруким – примером милующего христианина, покрывается и словами Версилова, заверяющего Аркадия, который сознательно не осуждает мать, что Софья Андреевна «ни в чем не виновна лично: это характер чистейший» [5, с. 258]. В диалогах Версилова с Аркадием мы видим исполнение им духовно-верной роли отца, который наставляет сына в духе христианских добродетелей: «Что тебе делать, мой милый? Будь честен, никогда не лги, не пожелай дому ближнего своего, одним словом, прочти десять заповедей: там все это навеки написано» [5, с. 344]. Далекий от жизни в идеале, но находящийся в поиске идеала Версилов, и в этом он сам уподобляется юноше, по-особенному значим для становления Подростка.

Показывая процесс воспитания чувств главного героя и представляя, как образуется цельная личность, Достоевский, вскрывает и роль воспитанника в духовном состоянии своего воспитателя. К.Д. Ушинский писал об особенной роли личного влияния «воспитателя на воспитанника», утверждая, что «только в нем одном, скрывается источник силы первоначального воспитания» [19, с. 92]. Подросток своей исповедью-обличением

и собственно всей своей жизнью активизируют и душевную работу отца, пробуждает в нем покаянное настроение. Достоевский это точно фиксирует, вкладывая в уста Версилова слова о том, что «именно теперь, в эту минуту, в тысячный раз может быть, бессильно жалею обо всем, двадцать лет тому назад происшедшем» [5, с. 261].

Но не только диалоги между героями способствуют их работе над собой, на духовное становление обоих работает сама атмосфера семьи, которая находится в процессе живой страдающей жизни. Семья Подростка представлена в романе как школа любви и сотрудничества. Идеалом христианской кротости, смирения, жертвенности представлена мать Аркадия Софья Андреевна. Символом благочестия и праведности является образ юридического отца Аркадия Макара Ивановича, личность которого выступает своеобразным поручителем перед Богом за всех членов «случайного семейства», добрым деревом, которое «приносит и плоды добрые» (Мф.: 7: 17). Его пребывание на страницах романа непродолжительно, но при этом очевидно его воздействие на Аркадия, Софью Андреевну, Лизу, намечается его влияние и на Версилова.

Семья является училищем христианской жизни для героев романа, в котором писатель художественно воплотил слова поучения своего современника святого праведного Иоанна Кронштадского: «Ничем не озлобляйся, побеждай всё любовью: всякие обиды, капризы, всякие неприятности семейные. Не знай ничего, кроме любви. Вيني всегда искренно себя, признавая себя виновником неприятностей» [14, с. 382].

В лице членов своей семьи Аркадий обретает образцы духовно-нравственного отношения к жизни. Русский филолог и философ, декан историко-филологического отделения философского факультета Московского университета И.И. Давыдов в статье «О согласовании воспитания с развитием душевных способностей» писал: «Желание настроить волю питомца ни малой не приносит пользы, если не подтверждается в глазах его примером» [1, с. 67]. И.И. Давыдов акцентировал важность для воспитания и возрастания личности религиозного начала. Он писал: «Непроникнутый чувством религиозным юноша жалок: он лишен главной опоры – бродит между безднами пороков [1, с. 64]. Эти педагогические взгляды разделял и Достоевский, который отмечал значение примера для закладывания духовно-нравственного фундамента личности: «два-три впечатления, поглубже выжитые в детстве, собственными усилиями (а если хотим, так и страданием), проведут ребенка гораздо глубже в жизнь...» (3, с. 10). На признание Достоевским «важнейшим условием духовного оздоровления общества – наличие примера (образца для подражания) в семье» [18, с. 113] обратил внимание и С.В. Струценко.

Достоевский мастерски, глубоко-психологично и духовно-проникновенно описывает становление душевных отношений членов семейства.

Писатель так показывает возникновение общего настроения членов семьи: «Он [Аркадий] даже улыбнулся, тотчас же за ним стали улыбаться и мать, и сестра. Доверчивость возвращалась» (5, с. 245). В этих описаниях общего настроения, общих чувств, светится то единство, о котором не раз говорил Христос: «Отче! Которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мной, – да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира» (Ин.: 17:24). Неслучайно эти слова о любви говорит именно любимый ученик Христа – апостол Иоанн Богослов, которому он поручил на Кресте заботу а Божьей Матери: «Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Мать твою! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе (Ин.: 19, 26–27).

По мысли Достоевского, любовь есть необходимая среда духовного возрастания. «Сердечная, всегда наглядная для них забота ваша о них, любовь ваша к ним согрели бы как тёплым лучом всё посеянное в их душах, и плод вышел бы, конечно, обильный и добрый» [3, с. 225], – говорит он в «Дневнике писателя» об условиях воспитания детей. Сам Достоевский в своей семье выстраивал сердечные отношения. Его супруга А. Г. Достоевская отмечала его особое общение с детьми «У мужа было какое-то особое умение разговаривать с детьми, войти в их интересы, приобрести доверие (и это даже с чужими, случайно встречавшимися детьми) и так заинтересовать ребенка, что тот мигом становился весел и послушен» [2, с. 211].

Ведущим средством воспитания в романе «Подросток» становится родственная любовь, уподобляющаяся любви евангельской, которая «долготерпит, милосердствует», «не завидует», «превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» (1 Кор. 13:4-7). Именно благодаря евангельскому идеалу любви начинается преодоление случайного характера семейства. Желания обрести настоящую семью с ее атмосферой любви и отношениями ответственности друг за друга является одной из ведущих идей романа. С темой обретения семьи тесно связан мотив вины, выполняющий сюжетобразующую и характерообразующую функции в романе. Достоевский показывает, что чем человек поднимается выше в своем духовном развитии, тем чувство вины выражено более явно. Вину за все происходящее берет на себя и «главный» праведник романа Макарь Иванович Долгорукий («А виновен в сем деле богу всех больше я; ибо, хоть и господин мой были, но все же не должен был я слабости сей попустить» [5, с. 258]), предвосхищая слова из последнего романа Достоевского «Братья Карамазовы» о том, «что воистину всякий пред всеми за всех и за все виноват» [4, с. 324]). В развязке «Подростка» все включены в круг заботы друг о друге – для всех взаимная любовь становится главной ценностью.

Изобразив, явившееся отражением времени и слабости человеческой природы, «случайное семейство», Достоевский показал возможность преодоления греха силами любви, пониманием вины, возможностью прощения и желанием идеала и представил таким образом главенство «сверхзаконной небесной Благодати над земным Законом» [6, с. 22]. «Милость и снисхождение к ближним и прощение их недостатков есть кратчайший путь ко спасению» [16, с. 57], – говорил и современник Достоевского, ставший прототипом старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы», преподобный Амвросий Оптинский. Личностное становление героя, обретение им ценностных ориентиров составляет единый процесс с образованием духовной семьи, стремящейся в своем идеале к воплощению образа евангельской любви. Роман не являет собой пример морализаторства, но при этом представляет процесс духовно-нравственного становления человека и задает читателю отвечающие евангельскому идеалу ценностные ориентиры.

Значение теолого-педагогического потенциала Достоевского, «не желающе<го> писать лишь в одном историческом роде и одержимо<го> тоской по текущему» [5, с. 692] еще предстоит раскрытию в настоящем и будущем. Идея Достоевского о необходимости и естественности единения в любви, взаимной ответственности, и, наконец, выявление самих средств воспитания духовно-состоятельной личности является остро актуальным в ищущем духовных скреп современном сообществе. Роман Достоевского «Подросток» являет собой психолого-педагогический посыл Достоевского в наше время и в будущее, «ибо из подростков созидаются поколения...» (5, с. 692). В разрезе сегодняшнего дня отдельного внимания заслуживает предложенный писателем путь преодоления индивидуализма и формирования общности в процессе основанного на прочных духовно-нравственных основаниях субъект-субъектного взаимодействия.

Список литературы

1. *Давыдов И. И.* О согласовании воспитания с развитием душевных способностей // Библиотека для чтения. 1834. Т. 6. № 10. С. 55- 67.
2. *Достоевская А. Г.* Воспоминания / Сост., вступ. ст., коммент. Б. Н. Тихомирова, И. С. Ярышевой. СПб.: Азбука. 2011. 475 с.
3. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в 15 томах. Санкт-Петербург: Наука. Т. 13. 1994. 541 с.
4. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в 15 томах. Санкт-Петербург: Наука, Т. 9. 1991.
5. *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений в 15 томах. Санкт-Петербург: Наука. Т.8. 1990. 814 с.
6. *Есаулов И. А.* Пасхальность русской словесности. Москва: Кругъ. 2014. 559 с.
7. *Захаров В. Н.* Актуальность Достоевского / В. Н. Захаров // Неизвестный Достоевский. – 2021. – Т. 8. – № 1. – С. 5-20. – DOI 10.15393/j10.art.2021.5321

8. *Зеньковский В.* История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 800 с.
9. Киприан (Керн Константин Эдуардович; архим.). Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чепуре) / архим. Киприан (Керн); Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т. 2-е изд., испр. Москва: Изд-во ПСТГУ, 2012. 142 с.
10. *Киселева И. А., Сахарчук Е. С., Сахарчук А. Л.* Ценностно-смысловые ориентиры педагогической системы В.В. Зеньковского // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. №1 (81). С. 73–77. – DOI 10.24158/spp.2021.1.12.
11. *Киселева И. А., Сахарчук Е.С.* Идея родственной любви в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Проблемы исторической поэтики. – 2021. – Т. 19. – № 3. – С. 150-169. – DOI 10.15393/j9.art.2021.9982
12. *Кошечко А. Н., Пацюрка Е. И.* Педагогические идеи Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя» (к постановке проблемы) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2018. – № 6(195). – С. 105-111. – DOI 10.23951/1609-624X-2018-6-105-111
13. *Микрюков Д. Ю.* Теологические подходы к воспитанию и обучению в русской педагогике середины XIX века // Христианское чтение. – 2019. – № 6. – С. 17-24.
14. *Моя жизнь во Христе: дневник отца Иоанна Кронштадтского (с портретом и биографическим очерком).* – Санкт-Петербург: издание П. П. Сойкина, ценз. 1903. – 800 с.
15. *Пирогов Н. И.* Избранные педагогические сочинения. – Москва: Изд-во АПН РСФСР, 1953. – 702 с.
16. *Собрание писем блаженной памяти Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия (Гренкова) к мирским особам.* Сергиев Посад, Оптина пустынь, 1908. 239 с.
17. *Степченкова В. Н.* «Любовью лишь купим сердца детей наших»: об учительском гении Достоевского // Творчество Ф.М. Достоевского в непрошедшем времени России. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. – С. 45-50.
18. *Струценко С. В.* Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой о духовности // Образование и наука. 2014. №2 (111). С. 112–114.
19. *Ушинский К. Д.* Педагогические сочинения: В 6 т. Т. 2. Москва: Педагогика, 1988. 494 с.
20. *Хомяков А. С.* Об общественном воспитании в России // О старом и новом: статьи и очерки / А. С. Хомяков. Москва: 1988. С. 222-238.